

СТЮАРДЕССЫ УСТЬ-КУТА

Где мы с ними познакомились, это уже тайна истории. Я не вспомню, пытался, не получается, а Серёги, увы, нет на земле. Сами девки всё время находились в таком странном кураже, что и их спрашивать об этом было бесполезно. Но, подозреваю, что решающим фактором для такого знакомства было не это их экзистенциальное состояние. Решающим фактором был их рост. Он был почти баскетбольным. А меня всегда тянуло к таким. Так сказать, к противоположному полюсу. Сам-то не больно вымахал. Да и Серёга тоже не гигант. В общем, философское это – единство противоположностей.

Они были студентки нашего иркутского меда, а Серега пытался улететь к месту своей первой в жизни работы – в село Казачинск, на БАМ. Его туда распределили в районную газету, выделив должность завпромышленным отделом. Это и стало нервическим раздражителем для нездорового самолюбия Серёги. Он искренне поверил, что плохому специалисту сразу такое место не доверят. И запил на радостях во всю ивановскую.

Хотя, и так бы запил. Дело-то не в этом. А в том, что запой мешал вылету в Казачинск. Натурально мешал. Раза три уже авиабилет то перерегистрировался, то просто пропадал. Вместе с этим таяли и надежды на благополучный исход всего, казалось бы элементарного, но оказавшегося весьма не простым, предприятия. Вы спросите, а причем тут «гренадерши» (так мы их называли)? Да при том, что они были сиренами – не отпускали, и все тут. Уже совсем уж почти в аэропорт собираемся, ан нет – «гренадерши» выставляют на стол реквизированный в родной лаборатории спирт. Так они видели хоть какой-то смысл в проходимой ими практике. В прозекторской. Ужас. Да. Но в основном питались немыслимым алжирским и просто портвейном 777. А «гренадерши», судя по постоянно расширенным зрачкам, еще и колеса глотали. Иногда черт нас заносил в Шелехово, домой к Сереге. Мать ужасалась, отец переживал, но ничего поделать с этим паяцем они не могли – он приставлял вилку к голому пузу и угрожал членовредительством. Словом, было ясно, что на БАМ Серегу не тянет. Да даже не то, чтобы не тянет – просто боится он туда лететь.

А ведь там, в Казачинском, уже ждал его Прокопыч, тоже распределенный в эту же газету ответсекком. Ждал с тревожным чувством, хорошо изучив дурацкий швецовский ндрав. И вот тут мама сделала безошибочный ход (сердце подсказало). Она вызвала меня в комнату, и доверительно произнесла:

- Андрей! Вся надежда на тебя! Только ты сможешь изменить эту патовую ситуацию. Надо, чтобы он срочно улетел. Он же твой друг...»

Всё. Я был у её ног. Я решительно перевернул всё в своей душе и ответил, что задание будет выполнено при любых обстоятельствах. Век воли не видать...

На этот раз рейс в Усть-Кут, где нужно пересест в Аннушку до этого таёжного посёлка, был в 6 утра. Серёга, напившись напитков, безмятежно спал пополам с «гренадершами», я сидел за столом, и, упершись взглядом в портрет Хэмингуэя, висящий на стене, читал стихи Беранже. Спать мне было нельзя. Беранже сводил с ума, я подкреплялся портвейном, после этого со мной начинал разговаривать уже Хэмингуэй. В общем, было не так уж и скучно, и я дотерпел. В начале пятого утра решительно растормошил Серёгу, мы с ним выпили немного спирта, потом добавили сухого алжирского, это нас страшно развеселило, и Серёге уже самому захотелось вдруг на стройку века. Я же говорю, дурной у него расклад бывал подчас.

В аэропорту мы, с 5 бутылками портвейна и алжирского, портативной серёгиной машинкой и чемоданом, оказались вовремя. Сермяжный АН-24 стоял сиротливо в утренней дымке в стороне от других классных машин. И такие же пассажиры толпились небольшой кучкой у шаткого ненадёжного железного трапа. Мы удачно пополнили их, ничем не нарушив внешней гармонии, такие же бродяги с бодуна. Лётчики прошли мимо, окатив нас презрительными взглядами. Стюардесса, приличная вполне девушка, неизвестно каким образом попавшая на этот утренний похмельный шабаш, горько улыбалась своей участи. Но нас она сразу заметила. Помогла пишущая машинка. Как-то она больше ни у кого из этих охламонов не наблюдалась. Да и помоложе мы были. Трудно спиртному тогда еще было обезобразить наши лики.

Подошла минута прощания. Я обнял Швеца, и попытался скрыться от дальнейших процедур, прихватив свою долю бутылок.

- Постой. – Обреченно сказал Серёга. – Помоги хоть в последний раз-то. Что-то плохие у меня предчувствия с этим Казачинском...

- Чем я тебе ещё могу помочь, Серёга?! – Нетерпеливо сказал я. – Дальше судьба, брат, от неё не скрыться... Ты почитай на досуге Беранже, тогда, может, дойдёт до тебя...

- Да я понимаю. Андрюха, занеси вещи в багажное. Я боюсь, упаду с ними с этой лестницы.

Я отдал ему свои бутылки (!) и понёс вещи в хвост самолета.

Серёга поднялся в салон по белой лестнице. Он сидел в середине самолета и призывно махал мне бутылкой портвейна. Я подошел, он предложил выпить на посошок.

- А то когда ещё придётся... Если вообще придётся... А то, может, и не придётся...

Не выпить – это было как отказать в последнем слове. Мы выпили, забывшись, закурили, мимо нас прошмыгнула стюардесса Наташа, она строго посмотрела на сигареты, но промолчала. Это нам понравилось, и мы выпили ещё. На какое-то мгновение я вырубился - догнала меня бессонница. Но тут же сделал попытку подняться - пора!

- Куда ты, калика перехожая?

- В смысле? Калика? Куда? Домой...

- Гляди...

И Серёга подтянул мою непутевую башку к окошку. Кажется, мы уже даже маршрутную высоту набрали.

- У меня же билета нет...

- Ничего. Сегодня можно. Правда, Наташа?

Стюардесса Наташа, не вникая в суть вопроса, одобрительно тряхнула своей кудрявой бестолковкой. Она уже пару раз отхлебнула нашего алжирского, и стала, не в пример как ещё недавно, приветливой и ласковой.

Трагизм произошедшего дошёл до нас – и то, в малой толике – уже в Усть-Куте. Состоял он в том, что денег было только на билет Серёге в Аннушке до Казачинска, и больше денег не было. Ни копейки.

Мы стояли, оглушенные, и думали, куда бы пристроиться, чтобы алкоголем прибавить ясности ума. Подошли к забору, за которым лётное поле, выпили, и начали вспоминать, кого мы знаем в Усть-Куте. Оказалось, не густо. Сюда должна была приехать на работу Нина Бородина, наша однокурсница. Ну, вот и весь расклад. В эту минуту Серёга увидел Наташу, идущую от самолета. Мы жутко возбудились и начали махать ей. Через минуту Наташа уже пополнила наш кружок выпивающих прямо с утра. Нине Бородиной повезло. Пьяные тучи прошли мимо.

А это та самая НИНА БОРОДИНА. Только что узнала, что герои чуть было не посетили её. От ужаса взлетела в облака. Но перед этим деловито переоделась в праздничную малицу. Нина очень ответственная перед Богом и людьми.

А, может, и не так всё страшно бы было. Может, и не тучи вовсе, а солнце яркое. Но, это уже сослагательное наклонение.

- В Казачинск? – Задумалась Наташа. Впрочем, ненадолго. – Так не вопрос. Давай деньги.

Серёга отдал ей последние мятые рубли. Наташа ушла, но быстро вернулась. В руках у неё была сетка с новыми бутылками портвейна.

- Идём. – Она решительно повела нас к небольшому барaku, стоящему в стороне от здания аэропорта. – Пляшете?

- Чего?!

- Понятно. Тогда что? Стихи читать умеете?

- Так не только читать. Мы их и писать умеем. - Гордо сказал Серёга. - Да. Мы же не представились. Я – завпромышленным отделом. А он...со мной. Литсотрудник. Как бы.

- Сам ты как бы, - обиделся я, - гавно он на палочке, Наташа, а не завпромышленным отделом.

- Ну и что. Главное – стихи сейчас нашим девушкам почитаете. И тогда мы вас спокойненько отправим в ваш родной Казачинск.

- Каким девушкам?

- Как это каким? Стюардессам Усть-Кута. Мы в резерв сейчас идём, они все там, кто не в рейсе. Ждут.

- Кого ждут?

- Ну, - замялась немного Наташа, - обещала я им...Ладно, слишком много вопросов. Так вы отсюда никогда не улетите!

- Ясно. – Сказал Серёга. Я молча согласился с ним. Хотя, какой там ясно. Ничего не ясно. Но улетать как-то надо было, тут стюардесса Наташа была права. Уже перед крылечком Серёга сказал : «Момент». Он залез в чемодан, порылся, и достал оттуда две бабочки.

- Униформа бордельщиков. Всегда с собой.

Мы нацепили галстуки и пошли за Наташей. В большой комнате сидели симпатичные девушки числом так пятнадцать – двадцать. Наташа вытолкнула нас вперед и сказала.

- Вот. Поэты. Не могут до Казачинска добраться.

- Поэты?! – Загудели девушки. – Ты же степистов проиграла!

- Так. Кушайте что дают. Где вы степистов на наших рейсах видали?

- Так не садись за карты, раз долги не умеешь отдавать.

- Нет, нет, нет, - запротестовала одна, - на хрен степистов. Пусть стихи читают.

- Ладно, - быстро успокоились все, - пусть. Вот тот, чернявенький. Начинай!

- Нет. – Я решительно сделал шаг вперед. – Начну я.

- Валяй.

- Стихи великого Беранже...

- Каво? Ну-ка парень, отойди. Пусть чернявенький читает. У него лучше получается.

Серёга удовлетворенно хмыкнул, поправил бабочку, и начал читать.

Гитара нашей осени поёт,

Начальные прощальные сонеты

Горят её последние букеты

Как падающий в море самолёт.

Я замер. Зря он именно это читает. Но девушки сидели и заморожено молчали. Похоже, лирический пафос скрыл от них трагизм. Произошла кульминация, и я уже думал, как бы скорее похмелиться. Кажется, аудитория почувствовала это, и одобрительно начала доставать стаканы и закуски. Серёга вытер невидимый пот и снял униформу. Он выпил и сказал.

- А теперь – мовешки. Цикл «настоящая физика». О законе Ньютона.

С крыши вдруг кирпич сорвался,

Голове нанес урон...

В этом случае сказался

Притяжения закон

Зал не закричал. Зал завизжал. Вряд ли у Швецова до и после этого был такой успех. Все сразу, и каждая в отдельности, пытались прикоснуться к нему. Серёга начал быстро косить глазами. Это был признак нарциссизма. Ну, и портвейн тоже вновь начал действовать. Пора было закругляться. Но Швецов только вошёл во вкус. Конечно, остановиться уже было трудно.

- О законе Архимеда.

Когда я в ванну залезаю
под вечер трудового дня,
собой я воду вытесняю,
слабо ей вытеснить меня!

Я оттеснил немного Серегу и прошептал: «Завязывай...»

Боже, что тут началось! Девушки, настороженно следившие за нами, наперебой начали спрашивать друг друга:
«Это кто? Что за паразит такой?

Да пьянь...литсотрудник...гавно на палочке...может ему zvezdulei...да конечно...»

Как-то неуютно мне стало в этом зале.

Серёга стоял, и меланхолично расчёсывал усы расческой. Вступаться за меня он точно не собирался. Я сказал.

- Стоп! Экспромт.

Стюардессы Усть-Кута!

Вы отличницы труда!

И за ваши, за красивые глаза!

Отпустите нас за ради вы Христа!

Недолговечна эта чертовка, слава поэта. Уже девочки как-то немного отодвинулись от «чернявенького» и начали пристально рассматривать меня. Кажется, идея zvezdulei была похерена. Я уверенно сказал:

- Ну что, девушки! От винта, что ли...

Внутри всё горело лихорадочным огнём. В этот момент Боженька сжалился надо мной. В комнату зашла дежурная и спросила:

- Девки! Кого вы там в Казачинск отправляете? Сейчас «санитарка» туда полетит.

Девчонки стали нервно разливать портвейн, и мы раскланялись.

Мысль о том, что они также легко меня могли и домой отправить, мне уже в голову не приходила.

В салоне санитарного Ан2 сидел Стахурлов и нервно шевелил ранними морщинами.

Это был явный признак похмелья, мне ли не знать. Ещё год назад мы торчали с ним в бетонном бункере, врытом в гору, на Чукотке, я грустил и изнывал в оперативном зале, за планшетом, а он в своей секретной каморке, засекреченная аппаратура связи. А ведь совсем недавно мы были с ним в одной цепочке, у меня была радиоретрансляционная станция на одной из сопок, через которую в дивизию проходила вся информация, а до этого кодировал и секретил её Стахурлов. Но... судьба.

Попёрли и того, и другого, с насиженных мест. Я лишился позывного «Юкон» в связи с ранением, Генка напортачил что-то такое, что комполка лично пообещал его после приказа ещё полгода в части продержать. Но у Генки помер кто-то из родных, его отпустили в отпуск, а там военком демобилизовал. Страшная история, короче.

Генка ласково потянул у меня из сетки бутылку портвейна. Он выпил половину, и спросил.

- Это что за фраерок с тобой?

- Этот фраерок, между прочим, завпромышленным отделом, - обидчиво ответил Серёга.

- О! – Сказал Стахурлов. – Брат! Ты то мне и нужен. Есть партия шпал, очень дешево отдам.

- Интересно, - глубокомысленно ответил Серёга, убирая, впрочем, подальше от Стахурлова, наши сетки, - и почём?

Я почувствовал их внутреннее сближение. Этого никак нельзя было допускать.

- Подожди. - Тут уже сказался мой опыт общения с сержантом. – Шпалы бэушные?

- Так ну и чо! А где ты так дешёво ещё на трассе шпалы купишь?

- Пошёл на хрен, Стахурлов. Они же просмоленные. Никуда не годятся!

- Ну хорошо. Тогда есть гвозди оптом...

- Давай долетим сначала.

- Давай, - согласился Стахурлов, - но на трассе они уже подороже будут.

Мы, наконец, прилетели в Казачинск. Значит, все было не зря. К тому же, в активах оставалось ещё сравнительно большое количество бутылок. Но, с другой стороны, Стахурлов и не пытался оставить нас. У него в аэропорту стоял Иж-Планета с люлькой. Вот так, с ветерком, мы подъехали к рабочему общежитию.

На крыльце стоял Прокопич, свободный, прямой и высокий, ладонь у него служила козырьком от солнца, но, увидев нас, он тут же сгорбился. Потом опять распрямился, гордый человек. Это, конечно, кощунство, но сейчас он напоминал мать партизана с картины художника Герасимова. Мы трое, соответственно, немца-карателя. СобираТЕЛЬНЫЙ получался образ. Но правдивый.

- Шнырь? – Кивнул Стахурлов на него, затормозив. – Ладно, берите его тоже.
- Куда брать?
- Не, ну как. Всё же на трассу прибыли, БАМ, стройка века, ебена мать. Гуляем сегодня. На охоту пойдем, в баню. Счас, я только к себе схожу, скажу, чтобы затопили, да тулку возьму.
- Тулку – то на фиг?
- А вдруг на зверя соберемся? Не, ружьё должно быть. Места здесь..., а то и шатун. Картечь не картечь, а нужна дробь покрупнее.

Прокопич ждал нас в комнате, сидя за столом, и прикрыв лицо руками.

- Прокопич, - сказал я ему, - это случайно вышло. Сейчас вот возьму у тебя денег на обратную дорогу, и, завтра, восвояси. Поминай, как звали. Всё утрясется. Перестань рыдать! Ты же приличный журналист, тебе это не идёт.
- Правда? – Робко спросил Прокопич и вытер лицо бахромой скатерти, - а то чё-то у меня не всё ладно получается пока. А пост-то ответственный – ответственный секретарь!
- Прямо, элита Казачинска собралась, - пробурчал я и пошёл умываться.

Когда я вернулся, бес Стахурлов сидел в комнате и зудел над Прокопичем.

- Вот ты там ответственный, а здесь прямо ложка мойник, и всё. Ну кто так разливает?!
- Откуда он взялся? - Жалобно спрашивал Прокопич.
- Это тебе наказание божие.
- Да за что?! А, понял. Мы позавчера номер задержали. Так я-то причём? Верстальщик нализался прямо у талера, я что, стоять рядом с ним всё время должен?

- Ну, выходит, Прокопъич, должен...

- Грехи наши тяжкие, - кряхтел Прокопъич, - ну ничо, постоим. Все же на вахте сегодня стоят. Стройка века, не хухры-мухры...БАМ.

Портвейн начал заканчиваться, и все за столом переполошились. Включая ответсека.

- Ну что, - поднялся Серёга, - надо идти. Заодно и с местным населением познакомимся. Теперь это мой читатель...

Оригинальным он не был. Зайдя в винный отдел, Серёга посмотрел шkodливym глазом девушке Зине прямо в её черные очи, и произнес уже поднадоевшее.

- Здравствуйте, я Сергей, завпромышленным отделом. Буду у вас все время теперь водку покупать...

- А я Зина с магазина, - с хохляцким выговором кокетливо ответила девушка, - очень даже нам приятно. Вы в общежитии поселились...

- Да, Зина. Заходите вечером.

- А то, - томно и загадочно произнесла в ответ Зина.

До вечера мы распивали, и сильно поднабрались. Включая Стахурлова. А этот строитель магистрали очень непредсказуем даже трезвый. Что уж говорить о пьяном состоянии. Комполка тогда не зря на него полканов спустил.

В общем, когда Серёга пошёл, как он выразился, "до ветру", (как человек, инструментом в жизни которого была родная речь, он уже начал собирать диалектизмы. Хотя этот-то не сибирский, не казачинский. Им вся Россия пользуется), Стахурлов вышел вслед за ним со своей тулкой.

Туалет был просторный, очка на четыре. И довольно высокий. Крыша у него островерхая. Солидное, словом, строение, сибирское, на века. Генка скомандовал.

- Ахтунг! Ауган гараде, аус! Файер! («Внимание! Равнение на середину! Огонь!»)

Он сделал два одиночных выстрела по крыше сортира. В ответ прозвучало гробовое молчание. Он начал перезаряжать тулку, а я ударил его пустой бутылкой по тому, что у людей называется головой. Но не у него! Серёга на четвереньках выполз из галюна. Он кричал.

- Прекратите огонь! Мы сдаемся! Дайте сказать!

- Хальт ден мунд! («Закрой свой рот!») – Не унимался Стахурлов.

Я вспомнил.

- Гена! А это ведь из-за твоих фокусов Толику Янковскому пришлось 10 суток на губе...

- Молчи! – Заплакал Стахурлов.

Я забрал у него тулку и пошел прятать её в комнату. Когда вернулся, они собирались в баню. В бане Серёге натурально стало плохо, он упал со среднего полка, и Генка его, завернутого в простыню, бережно вернул на своём Иже в общежитие.

- Вот такие люди и нужны нам на БАМе! – Пафосно объявил он мне, поправляя марлевую повязку.

На следующий день, в Усть-Куте, в промежутке между рейсами, я зашел в комнату стюардесс. Она, конечно, была пуста. И Серёги рядом не было.

Начался обратный отсчёт.

Х Х Х

Через девять лет Сергей Швецов погиб в авиакатастрофе.